

Прерванное путешествие или долгий путь к гостинице

Category: Kitapcy, Powestler

написано kitapcy | 24 января, 2025

Прерванное путешествие или долгий путь к гостинице ПРЕРВАННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ ИЛИ ДОЛГИЙ ПУТЬ К ГОСТИНИЦЕ

Мы проснулись. До рассвета было ещё далеко, часа три – четыре, но холод уже просачивался из-под палатки. Песок под нашим телами остыл, а сверху падали редкие капли холодной воды. Пятые сутки мы пожинали плоды неверного расчёта. Дело в том, что в нашей палатке, модели «Гробик господний» мы не предусмотрели вентиляцию и сейчас пар от дыхания, тёплый воздух от наших тел, и не совсем остывший песок под ними, подымались к холодной крыше, и там превращаясь в конденсат, подали на нас холодными, крупными каплями. Палатка была сшита из розовой «болоньи» лично Бочериным, и для экономии объёма и веса имела форму гроба, сужаясь от плеч к ногам. Отчего и была названа «Гробиком Господним». Мы, это лично я, автор и мой друг Сергей Бочерин, с которым был съеден не один пуд соли, выпита не одна бочка водки и пройдена не одна тысяча километров самых разнообразных ландшафтов нашей планеты Земля. А, поскольку, нашим самым близким по сердцу ландшафтом, была не тайга, не горы, а пустыни, мы нескромно именовали себя не снежными барсами, не таёжными медведями, а пустынными гепардами. Правда, скорость нашего передвижения изрядно отставала от самых быстрых животных мира, и в сутки нам не удавалось преодолеть расстояние более «трёх горизонтов», (один горизонт – наша личная мера длины, равная 12 километрам – расстояние на котором объекты, визуально, ещё не уходят под горизонт). Вставали тяжело, кашляя и стуча зубами от холода. Мы разные. Бочерин мягкий, я жёсткий. Бочерин романтик, я скептик. Бочерин толерантный, я нетерпимый. Бочерин мот, я жмот, и поэтому наша походная казна всегда у меня, и я выдаю деньги только по железно-обоснованной просьбе, желательно в

письменном виде. Трезвый Бочерин немногословен, предпочитает слушать, умеет не перебивать, за что я его ценю. Поэтому, я ведущий, а он ведомый. Тем не менее, мы оба зануды. Бочерин зануда педантичный, я зануда скрупулезный. Мы оба гурманы, но Бочерин – гурман усечённый, поскольку вычеркнул из своей жизни мясо и все субпродукты, а посему не может оценить всю прелесть бифштекса с кровью под красное сухое вино, или рюмку ледяной водки с холодцом и хреном. Хотя сам хрен, а тем более водку очень даже уважает, а потому хрен употребляет с хлебом, или с варёной колбасой, когда не задумывается, из чего она сделана.

Надо было разжечь костёр из заготовленных накануне ветвей саксаула. Закипятить воду из «съедобной глины». Так мы называли, собранный при помощи спринцовки с поверхности такыров, коллоидный раствор из воды, глины и сине-зеленых микроорганизмов. Съесть пару галет с кусочком дефицитного шоколада «Гвардейский», свернуть палатку, надеть на себя рюкзаки, по две пластиковых канистры с водой, и продолжить наш путь на восток через пески, солончаки и такыры.

Я взял запаянный в полиэтилен коробок вскрыл, извлёк пропарафиненную спичку и подумал: «Ай да Бочерин. Это ж надо было, каждую спичку искупать в парафине, а потом ещё и высушить».

Разжечь костёр от одной спички, в некотором роде, искусство. Для этого надо соорудить хорошо продуманную конструкцию, почти такую же сложную, как атомный реактор. Поначалу, следует определить возможное направление ветра. Даже если его нет, это не гарантия, что он не появится в тот момент, когда вы чиркните спичкой о коробок, и не погасит эту спичку. И тогда вы лишитесь почётногo «звания Улукиткана» – героя повести Г. Федосеева: «Последний костёр». Сооружение должно напоминать плоскую, односкатную крышу или шалаш повёрнутый входом к ветру. Основание конструкции надо соорудить из самых тоненьких веточек, потом, положить тонкие ветки, выше просто ветки, ну, а сверху всё остальное, что есть под рукой. Ну и самое главное – «запал». Он должен состоять из сухого сена, соломы, бересты или комка бумаги. Наветренную сторону следует усилить хворостом и толстыми ветками. Затем, нужно лечь на бок так,

что бы загородить спиной возможный ветер и поджечь. Если пламя робкое и не достаёт до нижнего яруса, сооружение следует слегка придавить и подождать до тех пор, пока огонь не начнёт обжигать пальцы.

Небо на востоке едва заметно посветлело, будто в черную тушь упала капля воды. Ознобом прошёлся лёгкий ветерок, и когда проявились контуры корявых кустов кандыма, на одном из них я заметил существо. Оно было чуть меньше молодого воробья и смотрело на меня всеми своими восемью глазами. Я протёр глаза. Существо не исчезло: «Ну, что же, будем знакомиться», – подумал я. Существо оказалось гигантской, дымчатой фалангой. Не той, обычной, рыжей, что устраивали свои игрища на крыше нашей палатки, а настоявшей, дымчатой, раза в полтора большей по размерам. Я осторожно подставил ладонь, и она немного подумав, вальяжно переползла на тепло моей руки.

– Смотри Бочерин, за такой экземпляр, коллекционер отдаст половину своей месячной зарплаты.

Шли мы уже шестые сутки, и до конца было ещё полтора раза по столько же. До конца – это до Амударьи. А начало было в туркменском городе Теджене. В Теджен мы прибыли 29-го марта. По нашему опыту, расчётам и знаниям, полученным из курса общего Землеведения, это было наиболее благоприятное время для задуманного. А, задумано было пересечь пустыню Каракумы от русла реки Теджена до русла реки Амударьи, без страховки и абсолютно, автономно. Зачем, спросит обыватель? И объяснить внятно, короткой фразой не получится, тем более сейчас, когда мир радикально изменился и изменился не в лучшую сторону. Тогда не было интернета, мобильной связи и телевизионной зависимости. Тогда даже не было виртуальной действительности. Тогда была реальная действительность, и жили в ней реальные люди, и были среди тех людей настоящие личности и отношения измерялись не только в денежном эквиваленте. Даже в Америке. Был Бомбард, который пересёк Атлантику на надувной лодке, был Ив Кусто, подаривший миру всю красоту подводного царства. Были покорители Джомолунгмы, Северного и Южного полюсов, Гржимек, Даррелл, Джой Адамсон, открывшие нам и гениально описавшие мир животных. Не говоря уж о Гагарине и Армстронге. Они были

личностями. Они были героями. На них равнялись. Им старались подражать. Ну и, разумеется, самоутверждение перед самим собой и окружающим.

Мир был бесконечным и разнообразным, поскольку не был полностью американизированным под американский стандарт. Мир был добрее, честнее и умнее, даже если и прикидывался таковым. Схема миропорядка была простой. Две сверхдержавы СССР и США и два общественно-политического строя делили планету пополам. Между ними шла жёсткая конкуренция за влияние на сердца и умы. Но, социализм проигрывал. Первопричиной тому было устранение конкуренции ещё на ранних этапах его становления. Отсюда низкое качество товаров, их тотальный дефицит, и как следствие, очереди за всем, что попадало на прилавки. Усугубляло ситуацию примитивная, но вездесущая и навязчивая пропаганда, закрытые изнутри границы и ограничения прав и свобод человека. Это раздражало людей и их симпатии были на стороне наших классовых врагов, на стороне Западной Европы и США до такой степени, что возможная оккупация воспринималась как допустимая. Сейчас, когда Запад предал демократию, права и свободы, а конкуренцию превратил в протекционизм, ненависть к англосаксам, да и к Западу в целом тотальна, и наша здоровая мечта увидеть Лондон, Вашингтон, Нью-Йорк в термоядерном пекле, вполне оправдана. Но тогда такое отношение невозможно было даже представить. Представить, что США на поверку окажется, как сказано о Сатане в Библии: «Лжецом, отцом лжи и врагом рода человеческого». Тогда казалось, что стоит только избавиться от социализма, и мы заживём в мире и согласии со всеми. И заживём хорошо. Кто знал, что говоря советский, они подразумевали русский. Никто, даже они сами.

Но, несмотря на позорный дефицит и примитивную, навязчивую пропаганду, мы всё же имели свой «гешефт». У людей из власти, был развит инстинкт самосохранения, и они прекрасно понимали, что их существование напрямую зависит от существования страны, которой они руководят, и другого места в мире для них нет, ни в Испании, ни на Канарах, ни на Мальдивских островах. А, если так, то и страна должна быть сильной. А сила страны, прежде всего в её людях. И люди должны быть сильны и умом, и телом, и

духом. Отсюда, и бесплатное образование, в том числе высшее, и бесплатная медицина, как потом выяснилось далеко не самая последняя в мире, и жильё, которого порой приходилось ждать чуть ли не полжизни. Конечно, иногда, всё это приводило к издержкам и неприятностям для властей, особенно интеллект – враг любой веры, но из двух зол приходилось выбирать меньшее. Иначе, как же без ракет, танков и атомной бомбы? Вмиг сожрут соседи близкие и далёкие. Тогда, благодаря идеологической разобщённости, правительства и наднациональные структуры не могли ещё, договорится консолидировано, объявить интеллекту глобальную войну на поражение, что бы опустится в тёмные времена раннего средневековья. Так что «забота партии и правительства о народе» имела, весьма прагматичный характер. А социализм нужен был, прежде всего, для простых людей Западного мира как противовес, поскольку не позволял их правительствам под страхом «мировой социалистической революции» сбросить овечью шкуру и показать своё истинное лицо.

Воздух был холодным, кристально прозрачным и насыщенным пряным ароматом шафрана от цветущих крокусов, солоноватым от толстянок, солянок и мятликов. Горьковатым от саксауловых деревьев и полыни.

У нас давно закончились сигареты, и наше обоняние обострилось многократно так, что раньше мы и не подозревали о таком обилии запахов. Ведь пустыня – это только в фильмах голый песок и песчаная рябь на барханах, как на дне чайной чашки с осадком. Да вокруг селений, где всё вытоптано в радиусе нескольких километров это так. Но стоит преодолеть этот мёртвый пояс, и окружающий мир меняется и тем больше, чем дальше от людей. В Заунгузье, в центре Каракумов, я видел настоящие леса из саксаулов, тамариксов и песчаных акаций, деревья четырёхметрового роста, гигантские ферулы, цветущие поляны и сплошные ковры из злаков, над которыми, в сумерках носились как привидения тушканчики, в том числе, наверняка неизвестные науке виды. А пустыня вокруг селений – это убитая природа и вырубленные на дрова для плова и шашлыка саксауловые леса, беда коих в том, что настоящий шашлык можно приготовить только

на саксауловых углях. Так считают местные жители.

Бочерин, назначенный лоцманом, шёл чуть впереди с компасом в правой руке.

Навстречу потянуло лёгким ветерком и каким-то крайне неприличным запахом. Я узнал этот запах. Это был запах свежего говна. Я подозрительно глянул на Баченина и спросил: – Бочерин, ты, что усрался?

– Рад бы был, да нечем.

– Так кто же тогда? Неужели Господь Бог?

– По моему, после того что он устроил нам в Красноводске, ему тоже нечем, – усмехнулся Бочерин.

И мы вспомнили наш первый этап путешествия, он был потяжелее второго, и длился неделю.

В день весеннего солнцестояния, 23 марта, мы прибыли паромом из Баку в Красноводск, а вслед за нами по пятам мощнейший арктический циклон. Но мы успели проскочить, и шторм разыгрался чуть после того, как нас не без проблем пришвартовали с помощью буксира.

Туркменский берег встретил метелью, холодом и ураганным ветром, швыряя в лицо брызги солёной воды вперемешку с песком и мелкой галькой. Стволы деревьев покрылись толстой коркой льда, а на ветвях висели сосульки пополам с весенними цветами.

«И рубают финики, лопари, а в Сахаре снега – невпроворот.

Это гады физики на пари, раскрутили Шарик наоборот.

И, где полюс был, там – тропики, где Нью-Йорк – Нахичевань...», – вспомнилась песенка Галича.

– Ну вот, Бочерин, а ты говоришь, что Бога нет.

– Это не Бог. Это законы циркуляции атмосферы.

– Какие к чёрту законы, снег на 36-й параллели в конце марта. Это чудеса. А что есть чудо? Чудо есть, злостное и умышленное нарушение законов мироздания. В данном случае, направленное лично против меня, а значит и против тебя. Когда я сталкиваюсь с подобными явлениями, я вижу в этом умысел и подтверждение бытия божьего. И всё больше убеждаюсь, что Бог не только есть, но он такой, как в Библии, жестокий, несправедливый самодур и лучше бы его не было.

– Но, ведь христианское учение утверждает обратное. Бог

всемилолюбив. Бог — это любовь, — попытался возразить Бочерин. Серёжа — атеист, он не любит мои «проповеди» и избегает теософской философии. Я агностик и допускаю как существование Бога, так и его полное отсутствие, но верю только в то, что доказано. А, существование божие не доказано.

— Христос здесь не причём. Христос не Бог. Когда я говорю о боге, я говорю о Боге, а не о его сыне, который сам себя называл, не сыном Божьим, а Сыном Человеческим. Бог — это Бог, и имя его Иегова. Жестокий иудейский Бог. Бог, который «наказывает тех, кого он любит». А, кто наказывает тех, кого любит? Правильно, садист. Следовательно, Бог есть садист. А Христа подбросили нам, гоям, иудеи, что бы научить нас покорности и непротивлению злу насилием, то есть толерантности и политкорректности, выражаясь современным языком. Ты Библию читал?

— Делать мне нечего, читать всякие бредни, — проворчал Бочерин.

— А жаль. Библия — талантливое художественное произведение, гениальное по тем временам. А кто её не читал, тот невежда.

— Дашков, ты гад. Так он всегда заканчивал разговор, когда нечего было возразить.

Сутки мы потеряли в Красноводске, надеясь, что кто-то съедет из гостиницы, и мы получим место, где и пересидим арктический фронт в тепле и комфорте.

Но тщетно, в советские времена гостиницы входили в разряд дефицита повышенной категории. Оставался вокзал, на выбор, морской или железнодорожный. Благо дело, они находились рядом. Но, разве можно отдохнуть и набраться сил на вокзале? Никак не возможно. Грохот колёс, лязг маневровых тепловозов, рокот толпы.

До Теджена было километров триста, и мы выбрали самый медленный, почтовый поезд с пересадкой в Ашхабаде. В поезде, конечно, лучше чем на вокзале, но всё — же недостаточно времени, чтобы выспаться. На гостиницу в Ашхабаде шансов было ещё меньше, чем в Красноводске. Пришлось снова мять бока о жёсткие вокзальные скамейки. Туркмения непривычна к холодам, там и в январе температура может подыматься до +20о, поэтому

вокзалы не отапливают. Мы сидели, завернувшись в спальники, и искоса разглядывали туркменских женщин. Красивые женщины, изящные как газели, лица тонкие и слегка одухотворённые, глаза огромные, с поволокой, кожа смуглая, гладкая и без волосяного покрова. Кажется, что нет там волос даже на лобке и под мышками. Жаль, что проверить это нет ни малейшей возможности, могут и зарезать. Ходят легенды, что яркие, разноцветные шаровары на них – это макет, что-то вроде нижней манишки. Штанины есть, а то откуда растут эти штанины – отсутствует и держатся они на талии при помощи верёвочек. Ну и, конечно же, никаких трусов. А, ещё ходят слухи, что в первую брачную ночь, муж сначала, для профилактики, воспитывает молодую жену плёткой, что бы она почувствовала на будущее, крепкую мужскую руку. И только потом приступает к обряду первой брачной ночи. Должно быть, что-то в этом есть, во-первых, профилактика от строптивости и прививка от феминизма, во-вторых, такая процедура отвлекает от боли при дефлорации.

Однако я замечтался и возвращаюсь к таинственному запаху.

– Да, Господь Бог, пожалуй, здесь не причём, – не мог не согласиться я – он изрядно потрудился, чтобы нам испортить жизнь, и спит сейчас без задних ног усталый, но довольный. А людей вокруг нет на добрую сотню километров. Мистика, однако.

– Возьмем след и будем искать, нюх у нас сейчас, не хуже, чем у легавой, – предложил Бочерин. Долго искать не пришлось, в нескольких шагах по курсу, запах материализовался и предстал в виде приземистого, без стебля цветка тёмно-лилового цвета, напоминающего раффлезию.

– Должно быть его опыляют скарабеи, – предположил Бочерин, и рассказал ужасную историю, когда он впервые попал в противочумку и пошёл за ближайший бархан справить естественную нужду. – И вот оглянулся я, и ничего нет, лишь песок шуршит и жуки летают.

Я представил эту ситуацию и рассмеялся.

– Смешно тебе, а мне было страшно, я же не знал, что эти жуки – скарабеи и что они питаются говном. Я подумал, что сошёл с ума или в лучшем случае Белка пришла после вчерашнего, привезённого контрабандой, «Ашхабадского красного».

Мы шагали по ровной поверхности глиняного такыра, под слова Бродского и нашего марша на слова И. Бродского: «Опять тобой дорога, желанья сожжены».

Нет у меня ни бога, ни чёрта ни жены», – и надеялись, что если впереди не будет сыпучих песков и барханов, пройти не менее трёх горизонтов. Шли и вспоминали противочумки, которые мы превратили в полигон для будущего перехода, изучая пустыни.

Идея пересечь пустыню посетила нас ещё в студенческие годы, когда Бочерин по кличке «Барин» расхаживал по дому в махровом халате. Он был вальяжен и нетороплив в делах и мыслях, а в тяжёлых обстоятельствах часто впадал в ступор, пытаясь прикинуться, что его здесь нет. «Расслаблялся» по его собственному выражению. Внешность с грузинским «акцентом». Лицо благородное, брюнет, нос с небольшой горбинкой, волевой подбородок с ямочкой, большие карие глаза с поволокой. В общем, красавец мужчина. Но внешняя форма не всегда соответствует внутреннему содержанию, а волевой подбородок волевому характеру. Он был чрезмерно деликатным, даже «деликатесным», как мы с женой его называли. Помню случай, когда мы с ним поехали на рыбалку в электричке. Был утренний час пик, людей уйма. Так получилось, что мы сели в разные концы вагона. Выхожу я на нужной остановке, а Сережи нет. Плюнул я, выматерился, и пошел на место. Через полчаса является.

– Бочерин, ты что заснул?

– Нет, – говорит, – не смог выйти.

– Как так, не смог выйти?

– Там женщины толстые стояли, что же мне было толкаться?

Не один сезон мы провели в Туркменских противочумных станциях, которые искали природные очаги чумы и держали их под контролем. А, поскольку, финансировало, и неплохо финансировало эту деятельность, Минобороны СССР, было подозрение, что помимо контроля над очагами чумы, создавалась коллекция разнообразных штаммов смертельно опасных микроорганизмов. Платили там неплохо, забрасывали далеко, иногда на самолётах «Аннушках». Работали мы «котами в мешке и в сапогах». Котами, потому, что ловили мышей, вернее песчанок

и прочих грызунов – разносчиков чумы. В мешках, потому, что обязательной униформой был мешковатый комбинезон, пропитанный дезинфицирующим раствором, а на ногах кирзовые армейские сапоги, густо смазанные лизолом. Но, мы нарушали инструкцию. Из-за нестерпимого зноя, зачастую приходилось сбрасывать комбинезон, и ходить по своему участку абсолютно голым и с песней: «Вы слышите, грохочут сапоги, и птицы ошалелые летят...», твёрдо зная, что никто, кроме песчанок тебя не увидит. Мы не были ни разу вместе, ни в одной противочумке, и мне трудно представить, как Сережа справлялся со своими обязанностями, поскольку был план и по этому плану каждый ловец должен был ловить в день 20 песчанок. Мне было проще. Когда в капкан попадались детки – малолетки, я говорил назидательно: «Вот, что значит, маму не слушаться». А Бочерин, наверное, оплакивал каждую животинку и объяснял, что ему тоже надо деток кормить, и просил прощения.

Мы зарабатывали малость денег, изучали пустыню, а ещё, будучи коллекционером, я ловил бабочек и, нарушая все правила и инструкции, втихаря, препарировал тушки мелких животных для Харьковского Музея Природы, где до сих пор в экспозиции мои песчанки, земляные белки, каракал, путорак, которых там не было раньше.

В ноябре прошлого года мы с Бочериным совершили двухдневную, тренировочную прогулку через небольшую, но очень красивую пустыньку Октумкум, что на Красноводском плато.

И, вот мы уже который день идём по большой, настоящей пустыне по имени Каракумы, днём, палимые маленьким, но злым и даже злокачественным Солнцем, а ночью дрожащие от холода. Я опускаю руку в карман куртки и достаю наполовину обглоданную ногу.

– Бочерин, хочешь барашка?

– Сосите сами эту гадость, – отвечает Бочерин словами из анекдота про интеллигента. – Я же просил не предлагать, и даже не показывать эту волосатую детятину, меня от вида её тошнит. Это даже не мясо, а какие-то стволовые клетки.

– Кусать отсень то хоцца, – и я отрываю зубами, и жую полусырую, бесформенную материю.

Вчера мы, вернее я, нашли новорождённого козлёнка, которого я

окрестил барашком, вспомнив светлую сказку Сент-Экзюпери «Маленький Принц». Он лежал обезглавленный с длинной перекушенной пуповиной, а рядом из-под куста светились два глаза, которые оказались глазами козы, вероятно отбившейся от стада, спятившей и откусившей своему сыночку головку, чтобы он ни мучился, и не страдал от жажды. По-хорошему, надо было бы её зарезать, мясо завялить, хватило бы до конца перехода. Но, во-первых, у нас не было ножа, кроме перочинного, поскольку каждый грамм и каждый сантиметр были учтены. Мы даже у ложек и зубных щёток пообламывали ручки. Во-вторых, коза, хоть и потерянная, была чьей-то собственностью. В-третьих, и это самое главное, это бы так травмировало гуманиста и полувегитарианца Бочерина, что он в лучшем случае впал бы в депрессию, а в худшем сошёл бы с ума. Мне – то проще, я всеяден, когда голоден. Было бы, что есть. А есть было почти нечего. Расчёт на подножные корма не оправдался, пустыня ещё не проснулась от зимней спячки из-за сбоя в природе. Весна запоздала на месяц, ящерицы и змеи не вышли из своих зимних убежищ, а черепахи оказались малопригодны к употреблению. Мы не могли себе позволить тратить драгоценную воду на черепаший суп. Приходилось запекать их в костре в собственном панцире. Панцирь горел, и мясо пропитывалось отвратительным запахом горелой кости и становилось несъедобным. Благо дело треть массы черепах приходилась на яйца, и их можно было запекать отдельно, впрочем, как и печень. А ещё у нас была маленькая, плоская фляжка с элем, так Бочерин называл настойку элеутерококка.

Солнце приближалось к своему апогею, пора было сделать привал и приготовить обед. Приготовить обед, означало развести костёр, поставить в него флягу со съедобной глиной, нацеженной по пути спринцовкой из трещин такыра, в коих ещё задержалась вода после дождей. Затем размять в котелке брикет горохового концентрата по имени «гороховый суп», залить его кипятком из фляги, накрыть крышкой и поставить на угли. Почему так сложно? Дело в том, что фляга, поставленная в костёр, закипает гораздо быстрее, чем котелок, подвешенный на рогульках. Не говоря уж о том, что сами рогульки сделать было абсолютно не из чего. Меню

из супов было разнообразным и зависело от тех видов дикого лука и прочих растений, что попадались на нашем пути. Был суп широколистый, суп узколистый, суп песчаный, и даже, суп шампиньоновый, а однажды мы нашли дикую морковку и сварили дико – морковный гороховый суп. Я бы не прочь доварить в котелке барашка, но даже сама моя такая мысль, может отбить у Баченина аппетит до конца нашего путешествия. Серёжа – человек сердобольный и очень впечатлительный. Однажды в детстве он увидел, как резали свинью, и с тех пор употребляет мясо только в виде колбасы и котлет.

В тот день мы шли по такыру и прошли-таки три горизонта, пока не закончился такыр, и не начались пески. Когда дневной зной спал, мы остановились и поставили палатку. По пути попалась черепаха, и я распилил её панцирь обломком ножовки, извлёк яйца и печёнку, так, чтобы этого не видел Бочерин. Дело в том, что обязанности палача и мясника лежали на мне, ибо тонкая бочеринская натура не позволяла ему видеть страдания живых существ. Помнится, как то наловили мы рыбы, а поскольку главным рыболовом был я, то попросил его почистить и выпотрошить пойманное, а сам продолжил рыбалку. Клёв закончился, пора было сматывать удочки. Подхожу к Бочерину, а он сидит перед кучкой плотвы, смотрит на неё и как будто чего-то ждёт.

– Бочерин, – спрашиваю удивлённо, – ты, что отходную молитву читаешь?

– Нет жду.

– Чего ждёшь? Когда они протухнут?

– Нет, когда они умрут. Они же ещё живые. Не могу я резать живых существ, им же больно.

– Ну, ты и гуманист, однако. А задохаться двадцать минут, разве не больно?

Пришлось мне не только ловить, но и чистить, и потрошить мною же наловленное.

– Песок был ещё горячим, потом он станет тёплым и остынет часам к двум – трём ночи. День был удачным, и мы решили выпить по крышке-колпачку от фляги эля. Наши организмы настолько отвыкли от спиртного, что двадцать граммов алкоголя, настроили на

философский лад.

Песок был ещё горячим, потом он станет тёплым и остынет часам к двум – трём ночи. День был удачным, и мы решили выпить по крышке-колпачку от фляги эля. Наши организмы настолько отвыкли от спиртного, что двадцать граммов алкоголя, настроили на философский лад.

– Володя, как ты думаешь, на хера мы попёрлись в эту пустыню?

– А это в нас проснулось запоздалое чувство юношеского самоутверждения. Мы его не реализовали в подростковом возрасте. Когда наши сверстники самоутверждались с помощью мышц и кулаков, мы, интеллигенты вшивые, не ходили на тренировки, не качали мышцы, не занимались спортом. Мы читали книги и мечтали. Правда, по ночам хулиганили, били стёкла своим врагам, воровали гусей, а однажды взломали бочку с пивом, нацедили ведро, пошли на речку, украли гуся, зажарили на костре и пировали до рассвета. А наши сверстники, не все конечно, уже с девочками, как минимум, целовались. А мы жеманились, но за девками в бане подглядывали. Правда, у меня было смягчающее обстоятельство. Рожа моя мне не нравилась. Губы почти негритянские, подбородок девичий, а щёки на плечи свисали. Недаром дразнили меня хомяком. Щёки, правда, потом куда-то подевались, но вурдалакские губы так и остались на всю жизнь. Где-то в седьмом классе меня преследовала девочка по имени Верка. Хотела познакомиться, а я дурак, думал, чтобы посмеяться. Иду по улице, а навстречу она с подружками. Я на другую сторону. Иду следующий раз, снова она с подружками, слышу, говорит: «Сейчас перейдет на другую сторону». Ну, я и перешёл. А потом, много лет спустя, ехали мы с ней случайно рядом в автобусе, я её не узнал, а она рассказала, что ей нравился мой юношеский пушёк, на том месте, где сейчас борода с усами. Ну, разве не смешно и не грустно? – А разве мы не утвердились? Институт закончили. Не дураки, знаем не мало, видели ещё больше, у меня жена и дочка красавицы, у тебя славная девушка. Держу пари, ты на ней женишься, и я погуляю на твоей свадьбе.

– Да, насчёт подросткового самоутверждения – это так, полущутка. Наше самоутверждение другого рода – протестного. Не

нравится нам общество, в котором мы живём, а сделать ничего не можем, и чувствуем своё бессилие. А это унижает наше самолюбие, и нам хочется доказать себе и окружающим, что мы личности способные на большее, чем прозябание от гудка до гудка или от звонка до звонка. Кто-то уходит в горы, кто-то в таёжную глухомань за рудой, кто-то пишет стихи, от которых у власти скрежет зубовой. А наше диссидентство, оно вот такое. Правда, я иногда пишу на заборе нехорошие слова. Нет не то, что ты подумал, слова о партии и правительстве, а иногда и листовками пробавляюсь. Помню, написал я как то очередную, а утром мимо дома менты с собакой. До сих пор не пойму, что это было, совпадение или помогло то, что следы посыпал махоркой с перцем.

— А не кажется ли тебе, что это подсознательная рисовка? Что мы хотим казаться больше, чем мы есть на самом деле? И, прежде всего, перед женщинами.

— Не без того, но тебе-то зачем? Ты у нас мужчина видный. Не могу понять, почему же ты не «познал», как говорится в Библии, всех баб, что попадали в твоё поле зрения? Мне бы твои данные, я бы только этим и занимался. Обожаю, женское тело во всех его проявлениях, губы большие и малые, верхние и нижние, глаза, ягодицы, и прочие особенности рельефа. Люблю и вид, и цвет и вкус и запах.

— Что-то ты меня совсем запутал. Кто из нас прагматик, а кто романтик.

— Знаешь в чём разница между ласками мужчины и женщины? Мужчина гладит женщину и думает, ах какая у неё гладкая кожа, какая упругая грудь, какие округлые ягодицы, как она чудесно пахнет. И балдеет. А, женщина думает, ах, какая у меня гладкая кожа, какая упругая грудь, какие округлые ягодицы, как я чудесно пахну. И балдеет.

— Циник ты, Дашков, а я так не могу, без любви. — Я не циник. Я суровый реалист. Местами, даже жестокий. И разве одно другому мешает? Любовь любовью, а кушать хочется всегда, хотя я и сам в этом вопросе отнюдь не всеяден. Но, секс самое большое удовольствие в жизни. Во всяком случае, в первой её половине.

— Нет, мне нужна романтика и любовь. — То есть стулья вперёд,

а деньги после?

— Ну, я же не животное на случке, мне нужен ритуал, ухаживания, чтобы всё было красиво и изящно. — Я вообще-то тоже влюбчивый, только у меня причинно-следственная связь обратная. Я не хочу, сначала влюбляться, а потом страдать от отсутствия взаимности и сексуальной неудовлетворённости. Я сначала делаю попытку, и если она удачная, потом выстраиваю отношения. Могу влюбиться, а могу и довольствоваться одной — другой связью. Вот до сих пор облизываюсь при воспоминании о трёх грациях за одну ночь. Пригласили мужики трёх девушек, надо заметить очень привлекательных и без предрассудков, завели их до мокрых трусов, а сами напились до беспамятства. Они ко мне в койку и пришли по очереди. — Да, я тоже был удивлён, когда понял, что и им тоже хочется. Пришла ко мне как-то в гости барышня, крупная такая деваха, не толстая, но широкой кости, тёрлась, тёрлась, да и возбуждалась. Да так, что в штаны полезла, за член хватает. — Надеюсь, ты её удовлетворил, если было за что хватать, раз в ширинку залезла? — Нет, сам не знаю почему, должно быть испугался её напора. Не могу только понять, зачем ломаться, если хочется?

— А мы устроены по-разному. Для нас — секс, приятно и весело. Для них приятно, но серьёзно. Ищи потом на кого подавать на алименты. Природа им на эти детородные цели, даже выделила лишнюю четвертинку хромосомы.

— Точно, у них сплошные иксы, а у нас одна хромосома, игрек, — согласился Бочерин. — Выходит мы инвалиды?

— Ну, мы, так точно. На голову. Давай ещё по одной — За секс, за похоть, за блуд, за разврат. Короче, за любовь.

Утро выдалось не такое холодное, как предыдущие, и мы почти выпались, но день обещал быть жгучим. Весна стремительно отвоёвывала свои позиции.

Утро выдалось не такое холодное, как предыдущие, и мы почти выпались, но день обещал быть жгучим. Весна стремительно отвоёвывала свои позиции.

Пустыня, пожалуй, самый самобытный ландшафт на Земле. Тропический лес — это всё же лес, несмотря на его буйство. Степи, широколиственные леса, тайга и тундра повторяются в

горах любых широт. И на всех широтах их объединяет наличие воды. А пустыня практически безводна и всё живое, что приспособилось к таким условиям, совершило эволюционный подвиг. Это же надо было придумать горбы, курдюки, чтобы накапливать там жир, а потом, расщепляя его, добывать из него воду. Или слизывать росу, а летом, когда придёт настоящее пекло, впадать в летнюю спячку. Или вот саксаул. Если бы меня спросили, на что похож саксаул? Я бы ответил. На айсберг. Вы бы недоумённо спросили, а что же общего между ледяной глыбой и пустынным растением? И я бы ответил – надводная и подводная части. Ведь у саксаула, как и у айсберга, видна только ничтожно малая «надводная» часть, а всё остальное глубоко под песком, так глубоко, что аж до водоносных горизонтов.

Появилась мошка, ещё не много, но достаточно, что бы испортить настроение и осложнить жизнь. Мошка, коварная мерзость, она мелкая и тихая, незаметно пробирается под одежду и там прогрызает, не прокалывает, как комары, а именно прогрызает кожу, оставляя зудящие неделями, не проходящие язвочки. Но, почему-то больше всего ей нравится грызть уши.

На сей раз, мы попали в полосу песков, а из этого следует, что больше двух горизонтов нам не преодолеть и съедобной глины не видать, следовательно, придётся расходовать воду из пластиковых канистр, а их всего четыре трёхлитровых, и одна из них уже пуста.

Бугристые пески с редкими деревцами джужгуна и кандыма, по которым было идти не трудно, сменились барханами. А это уже лишняя проблема. Если пустыню сравнить с морем, то такыр – это штиль, бугристые пески – лёгкое волнение, а барханы – настоящий шторм, когда волны высотой до 30 метров. А ещё бархан всегда клубится, как вулкан. Достаточно лёгкого ветерка, и над его вершиной появляется облачко песка, которое падает на подветренный склон, и так почти вечно. Процесс не останавливается. В результате, бархан медленно плывёт туда, куда дует ветер. Как парусник. Идти по барханам крайне тяжело, склон крутой, песок сыпучий. Ноги съезжают вниз по склону вместе с песком. В результате, два шага по бархану, равны одному шагу по нормальной местности.

Сегодня нам слегка повезло, мы поймали несколько ушастых круглоголовок. Если есть в мире животных клоуны, то ушастая круглоголовка среди самых талантливых. Она небольшая, с трудом, но помещается на ладони. Лапки покрыты густой щетиной и напоминают двусторонний гребень для волос, отчего и называются гребнепалыми. Такое приспособление помогает передвигаться по песку. Хвост яркий, полосатый и задран вверх, как у лайки. Таким образом, она прикидывается гигантским скорпионом. Время от времени она играет хвостом, закручивая его в спиральку, чтобы привлечь к нему внимание и доказать, что она действительно скорпион. Если это не помогает, она злится и превращается в зубастый рот, живущий сам по себе, как улыбка «чеширского кота». Дело в том, что уголки её рта заканчиваются незаметными складками, которые в озлобленном состоянии наполняются кровью и превращаются в огромные, красные уши, и эти уши и рот сливаются в одно целое. Если и это не помогает, она, клацая зубами, бросается на врага и, вцепившись в палец, повисает на нём, дрыгая ногами и извиваясь всем телом. В случае опасности, если враг далеко, она тонет в песке, при помощи вибрирующих движений своего тельца. Но, это не всегда помогает, и самое опасное время в её жизни – это час после дождя. Дело в том, что над зарывшейся круглоголовкой образуется едва заметный бугорок рыхлого песка, который подсыхает и светлеет чуть раньше фона. И тогда её контур со всеми деталями, проступает, как фотография, положенная в ванночку с проявителем.

Короче, мясную добавку к гороховому супу, мы обеспечили. Почему мы? Да потому, что Бочерин брезговал только мясом теплокровных животных. Рыбу, моллюсков и прочие морепродукты он употреблял. И даже, не без удовольствия.

Во второй половине дня, ближе к вечеру, мы заметили над горизонтом что-то похожее на столб дыма и решили немного отклониться, чтобы посмотреть, что там происходит. Поднявшись на очередной бархан, увидели картину «завшивленного тулупа». Местность перед нами была в серых точках и эти точки шевелились.

– Бараны, – радостно вскрикнул Бочерин.

Радостно не от того, что он предвкусил шашлык, а от того, что где бараны, там и чабаны. А чабан, как известно, друг человека.

Они сидели вокруг небольшого, метрового диаметра, холмика под догорающими углями костра. Они сдержанно поздоровались, пригласили присесть, и спросили кто мы, откуда и зачем здесь находимся. Мы вкратце рассказали. Переглянувшись и удивлённо поцокав языками, спросили, в чём мы больше всего нуждаемся. «В сигаретах» – дружно, не сговариваясь, в один голос ответили мы с Бочериным. Один из них встал, подошёл к вьюкам и вернулся с несколькими пачками «Примы». Дрожащими руками мы вскрыли пачку и тотчас закурили. Так мы потеряли самый реальный шанс, навсегда избавиться от этой дурной привычки. А ещё нас угостили чалом – туркменским кумысом из верблюжьего молока. Чал был желтым и слегка газированным. Не знаю, откуда, из какого холодильника его достали, но он был **ХОЛОДНЫМ!** Чал ударил в нос и в голову, и от блаженства отнялись ноги. К счастью, не навсегда.

Угли над холмиком прогорели и превратились в пепел. Пепел остыл, и чабаны осторожно сгребли его руками, и так же осторожно, слой за слоем сняли песок и извлекли из него огромный, круглый каравай белого хлеба, тщательно сдули песок и нарезали часть хлебины большими ломтями. Никогда, ни до, ни после, я не ел такого вкусного хлеба.

В свете нынешних реалий, трудно представить, что мир был более гуманен, нежели сейчас. Вопреки суровой действительности тех дней, раздражающему зуду партийной пропаганды, полупустым полкам магазинов, в обществе были духовность, душевность и солидарность. Можно было поехать в любую точку страны (за исключением погранзон, разумеется), где никому нет дела до твоей национальности, размерам твоего кошелька и социального положения. Уважали личность по уму и увлечённости. Даже менты. Помнится, когда меня сняли с крыши поезда не в лучшем для русского месте – Узбекистане и отвели в отделение милиции, где при досмотре обнаружили сборы насекомых, парочку змей, и гнездо ремеза, и спросили, что это и зачем, я прочёл им небольшую лекцию про природу Узбекистана. И меня не только

отпустили, но и посадили на поезд.

Взаимовыручка была. Даже вот тогда, когда 28 марта, мы прибыли в Ташауз измученные недосыпом и слегка простуженные. Как водится, в гостинице не было мест, какие-то спортсмены со справками, «перешли дорогу». Пришлось устроить небольшой скандал и администратор говорит:

– Ну, что я могу поделаться? Разве, что выдать вам пару раскладушек и поселить в коридоре. Да и то, спать вы сможете после закрытия гостиницы и до рассвета. Так мы и прожили трое суток, ночью на раскладушках, днём в холле, читая и перечитывая газеты, а 1-го апреля в первый солнечный день, отправились в путь.

Тогда в любом городе можно было обратиться в больницу, получить бесплатно медпомощь и даже больничный, который был действителен на всей территории страны.

Народ и партия, были настолько едины, что жили каждый своей жизнью в параллельных мирах. Они теряли страну, а вместе с ней и почву под ногами. Им не верили, от них отмахивалось как от назойливых мух со всеми их лозунгами и транспарантами. Но, самое забавное, что они уже не верили и самим себе. А люди занимались тихим саботажем партийной идеологии. Так возникала не территориальная, но социальная автономия. И дальнейшая перестройка была не прихотью Горбачёва, а вынужденной необходимостью той эпохи. И она бы, безусловно, удалась, если бы региональные партийные руководители, ради личной власти, не раздерибанили страну, почуяв слабость центральной власти. Строй был обречён, но страна могла сохраниться и сделать то, что сделал Китай, только на гораздо более высоком уровне, поскольку её научно-технический потенциал и природные ресурсы, были несравненно выше чем у Китая.

Мы были самым образованным народом мира и самой читающей страной, и за книгами выстраивались очереди не меньшие, чем за колбасой. Мы узнавали единомышленников по нехитрому коду. Достаточно было произнести пару цитат из Булгакова, Стругацких или Ильфа и Петрова. И были уверены, что как только сбросим социализм, так тотчас мир примет нас с объятиями в «Дружную семью народов». Но, потом оказалось, что не идеология была

тому препятствием, а национальность и нас не принимали в «Дружную семью цивилизованных народов» не потому, что у нас социализм, а потому, что мы русские. Да и никакой цивилизованной, а тем более дружной семьи нет, а есть меркантильные интересы и жестокая конкуренция, как правило, недобросовестная, протекционизм и диктат самого сильного.

Ночью, я по каким-то личным причинам выполз из палатки. Небо было обыденно чёрным, но где-то далеко колыхалось едва уловимое свечение.

До рассвета было ещё далеко, о чём говорило чувство времени и расположение звёзд. Да и светилось небо не на Востоке, а на Юге. И я понял – это цивилизация. Это зарево над городами. Это зарево над Мургабским оазисом.

Утром я рассказал об увиденном.

– Ну, что Бочерин, мы на полпути, двигаемся дальше, или зайдём, чтобы пополнить запас воды, хотя это и не честно?

– А что у нас с водой?

– Больше половины запаса, благодаря такырам и клизме.

– Ты, знаешь Володя, я дальше, наверное, не пойду. У меня заканчивается отпуск, мы же неделю потеряли из-за этой проклятой погоды.

– А я бы пошёл. Чувствую себя отлично, бодрости полные штаны, Н.З. не тронут, вода есть. Ещё неделя и мы у цели.

– Ага, стихами заговорил, верю. Но, не могу, отпуск.

– Причина уважительная, но можно бы и наплевать.

– Да жалко работу терять.

Я не стал возражать, ибо Бочерин был упрям, несмотря на внешнюю покладистость.

Я понял, что Бочерину просто стало скучно, всё было слишком обыденным и гладким. И мы резко свернули на Юг.

Этот последний день был самым трудным, если не сказать, отвратительным. Мы попали в лабиринт арыков действующих и заброшенных, и в безумную сеть просёлочных дорог. Вернее не дорог, а следов от машин, водители которых ездили не по дорогам, а по направлениям. То есть так, как кому вздумается. Благо дело ровная местность и плотный грунт этому не препятствовали. Пустыня кончилась, постепенно перейдя в

лѣссовую, слепую и мѣртвую дельту Мургаба, сплошь покрытую зарослями верблюжьей колючки. Из-за этих проклятых арыков, которые приходилось обходить или форсировать вброд, из-за дурацких, индивидуальных дорог, из-за колючек, что лезли под ноги, норовя проколоть подошвы, мы окончательно запутались и к первому селению прибыли под вечер. Это было маленькое, заброшенное далеко от людей селение, неказистое и дикое. Палатку поставили в тамариксовой рощице недалеко от арыка. Бочерин, увидев столько воды в одном месте и сразу, буквально ошалел, и ломанулся к арыку «чистить пѣрышки». Любил он это занятие, за что был прозван ещё и «Гигиеношвили». Он всегда возил с собой крем для рук, пилочку для ногтей и мужской лосьон, и должно быть до сих пор держал на меня обиду за то, что я в Ашхабаде, бессердечно отказал ему выдать из казны сумму на какой-то импортный лосьон.

Вечерело и в сгущающихся сумерках, на противоположном берегу арыка появилась туркменка, присела, немного посидела, наверное, что-то обронила, но быстро нашла и убежала. А, вот и ещё одна, проделала тот же обряд и удалилась.

— Они, что язычницы, молятся так на уходящее Солнце? — спросил Бочерин.

Появились ещё две барышни. Эти не спешили, повернулись к нам спиной и прежде, чем присесть, задрали длинные юбки.

— Таки и правда, без трусов, — мечтательно произнёс я. — Вот так легенда претворяется в жизнь! Должно быть, здесь у них общественный туалет. Бочерин, к тебе тоже торч пришёл?

— И ещё какой...

Автобусного сообщения с селением не было. Немногочисленные жители передвигались на ишаках, которые орали дурными голосами. И мы, снова пошли пешком, дело привычное.

Во второй половине дня добрались до большого села, кажется, тогда оно называлось «совхоз им. тов. Кирова». Село, мы учуяли издали по звукам и запахам. Пахло дымом, шашлыками и люля-кебабами. Такой запах должно быть стоял над Иерусалимом во дни жертвоприношений, когда евреи приносили в жертву молодых барашков и нетоптанных курочек. «Для приятного благоухания Господу», как сказано в Библии.

Возле домов стояли большие, застеленные коврами, столы, называемые топчанами. На столах, поджав под себя ноги, восседали туркмены в полосатых, стёганных халатах. Халаты были пропитаны потом, и покрыты толстым слоем бараньего жира. Причём, степень засаленности, указывала на возраст хозяев. Чем толще слой жира, тем больше плова съели их хозяева за свою жизнь. А, чем больше плова они съели за свою жизнь, тем длиннее была эта жизнь. А чем длиннее была жизнь, тем почётнее тот, кто её прожил.

Туркмены пили горячий, зелёный чай из плоских чашек без ручек, называемых пиалой, и потели. Надо заметить, что в Средней Азии, горячий чай пьют всегда в любое время суток и круглый год. Зимой, понятное дело, чтобы согреться, а летом, что бы потеть и посредством потоотделения охлаждать температуру своего тела. Халаты, так же носили круглый год. Зимой, что бы согреться, а летом, что бы сохранить температуру своего тела в 36 градусов, поскольку такая температура, всё же ниже температуры окружающей среды, которая может подыматься до 50 градусов.

Мы зашли в сельский магазин. Привычный набор: резиновые калоши, в которых так любят щеголять туркменские бабаи по не знающим дождей кривым улочкам, ватные, серые телогрейки, валенки (зачем-то), макароны, кильки в томате, рыбно-рисовые консервы «завтрак туриста». До сих пор не могу понять, почему туристов считали говноедом? Хлеба не было. А в самом далёком и высоком углу мы увидели то, что и в Москве не всегда встретишь. Запылённую бутылку венгерского вермута «Гельвеция». Бочерин обалдел.

— Так вот почему ты не пошёл дальше. Интуиция?

— Да, вроде того.

Мы не имели права не купить её, ни морального, ни юридического. Продавец посмотрел на нас с сожалением, но ничего не сказал.

Улица упёрлась в неказистый приземистый дом, на котором была выцветшая надпись «Гостиница». И в этой гостинице было сколько угодно свободных мест! На выбор.

Наконец-то мы пришли в гостиницу. И понадобилось нам всего

ничего, две недели времени и пятьсот километров пути.

© Coluber (Колюбер)

Çeşmesi:

<https://www.newauthor.ru/adventures/prervannoe-puteshestvie-il-i-dolgiy-put-k-gostinice-18>. 23.06.2021ý. Powestler